

А. А. Ишуков, Е. Б. Бедрина

ЕВРОПЕЙСКАЯ И ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИИ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

80

Посвящена вопросам развития интеграционных процессов в Европе и Евразии. Целью научного исследования является выявление сходств и различий европейской и евразийской интеграции. Теоретическая значимость исследования заключается в том, что сравнение интеграционных процессов осуществлено на основе анализа демографических и социально-экономических показателей развития стран Европейского союза и Евразийского экономического союза, а также изучения механизмов и инструментов интеграции. Практическую значимость исследования составляют выводы о возможности заимствования опыта Европейского союза в евразийском интеграционном процессе. Методология исследования строится на основе компаративного анализа. Выявлено, что экономическая интеграция стран на постсоветском пространстве идет по пути Европейского союза в части заимствования принципов организации. Однако, несмотря на наличие некоторого сходства рассматриваемых интеграционных объединений, они обладают значительными различиями, выразившимися в стартовых условиях, мотивах и контексте интеграции, и в связи с этим в инструментах и механизмах ее реализации. Сделан вывод, что реализация некоторых основополагающих принципов строительства европейской интеграции, таких как федерализм и демократизм при принятии решений в рамках Евразийского экономического союза невозможна. Тем не менее достигнутая гармонизация некоторых регламентов и стандартов стран двух интеграционных группировок будет способствовать их дальнейшему экономическому сближению и взаимодействию. Практическая значимость исследования заключается в том, что в нем показана возможность частичного заимствования опыта Европейского союза для дальнейшей интеграции стран Евразийского экономического союза и необходимость совершенствования теоретических основ, которые могли бы лечь в основу развития евразийской интеграции.

The article studies the development of integration processes in Europe and Eurasia. The purpose of scientific research is to identify the similarities and differences between European and Eurasian integration. The theoretical relevance of the research lies in the comparison of the integration processes regarding the analysis of demographic and socio-economic development indicators of the EU and EAEU countries, as well as the integration mechanisms and instruments. The research comes to the conclusion on the possibility of adopting the European Union integration experience for the further integration processes in the Eurasian integration process. The primary tool for research is the comparative analysis. It is noted that the economic integration of countries in the post-Soviet space follows the path of the European Union in terms of adopting the organization principles. However, despite some similari-

ties, integration associations have significant differences in the starting conditions, motives and context of integration, and the tools and mechanisms for its implementation. The authors conclude that the implementation of certain fundamental principles of constructing European integration, such as federalism and democracy, is not possible in EAEU decisions making. Nevertheless, the achieved harmonization of some regulations and standards of the countries of the two integration associations, in the process of borrowing European experience, will contribute to their further economic convergence and interaction. The practical relevance of the research is to show the possibility of partial adopting of the EU experience for further integration of the EAEU countries and the need to improve the theoretical foundations that could form the basis for the development of Eurasian integration.

Ключевые слова: международная интеграция, интеграционные процессы, европейская интеграция, евразийская интеграция, интеграционная группировка, интеграционное объединение, Европейский союз, Евразийский экономический союз.

Keywords: international integration, integration processes, European integration, Eurasian integration, integration group, integration association, European Union, Eurasian Economic Union.

Актуальность темы исследования

Потребность в формировании интеграционных объединений в Евразии возникает с момента распада Советского Союза, так как большинству постсоциалистических стран было сложно встроиться в международную торговлю самостоятельно, тем более с достаточно низкими экономическими показателями, не позволяющими успешно конкурировать с развитыми западными странами. Это требовало от них выбора центра интеграционного притяжения, которым на тот момент являлись Европейский союз (ЕС) или Россия. Часть постсоциалистических стран Восточной Европы, являющихся более индустриальными и имеющих лучшие экономические показатели, решили ориентироваться на ЕС.

Пытаясь упрочить свои позиции в Евразии, Россия стремилась к активному взаимодействию в различных направлениях с потенциальными партнерами на евразийском пространстве. Примерами сотрудничества служат такие интеграционные организации как Содружество Независимых государств (1991 г.), Союзное государство (1999 г.), Организация Договора о коллективной безопасности (2002 г.), Евразийское экономическое сообщество (2001–2014 гг.), Шанхайская организация сотрудничества (2001 г.) и др.

В настоящее время Россия возлагает большие надежды на развитие экономической интеграции со странами СНГ, перейдя в 2015 г. от Таможенного союза с Белоруссией и Казахстаном к общему рынку, объединившему внутренние рынки России, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и Армении созданием Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Особую важность развитие данного направления интеграции для России приобретает в условиях международных экономических

санкций, введенных после украинского кризиса 2014 г., в результате которых произошло резкое сокращение объема международной торговли России с Западными странами.

В связи с тем что теории интеграции разрабатывались преимущественно для ЕС и апробировались на его опыте, он может выступать в качестве примера для развития евразийской интеграции. На сегодняшний день Евросоюз — это интеграционное объединение европейских стран, функционирующее по «наднациональному» принципу, прошедшее 4 из 5 этапов экономической интеграции в соответствии с теорией Б. Баласса [1] и обладающее необходимыми предпосылками для перехода от экономического и валютного союза к финальной стадии интеграции — политическому союзу.

Долгое время европейская интеграция рассматривалась в качестве образца для создания и развития интеграционных группировок по всему миру. Ее опыт в области экономического сближения стран транслировался в различных регионах. Появилась даже идея о создании Большой Европы от Лиссабона до Владивостока [2; 3].

Впервые о возможном провале европейской интеграции заговорили после мирового экономического кризиса 2008—2010 гг. Джозеф Стиглиц, лауреат Нобелевской премии в области экономики, подверг критике Маастрихтские соглашения 1992 г., заявив, что переход к единой валюте не способствовал экономическому сближению стран и привел к крайне негативным последствиям в период экономического спада [4]. После Европейского миграционного кризиса 2015 г., вызвавшего раскол стран — членов ЕС и обособление Вышеградской группировки (Польша, Чехия, Словакия и Венгрия), не поддержавшей схему распределения беженцев [5, с. 13], к европейской интеграции начали относиться сдержанно и критично. В результате заявления Великобритании, отстаивающей национальные интересы в период экономического и миграционного кризиса [6] о выходе из состава ЕС, реализованного в конце января 2020 г., в Евросоюзе даже развернулась дискуссия о перспективах де-европеизации [7; 8].

Несмотря на все сложности и проблемы, именно опыт ЕС как наиболее зрелой интеграционной группировки, имеющей длительную историю преобразований и способной преодолевать экономические и политические кризисы, остается важным для изучения интеграционных процессов. Проведение сравнительного анализа условий и особенностей европейской и евразийской интеграций позволит выявить возможности и направления развития взаимного сотрудничества между странами ЕАЭС как одной из наиболее молодых и перспективных интеграционных группировок, а также определить пути дальнейшего сотрудничества между ЕАЭС и ЕС.

Степень изученности и проработанности проблемы

В последнее десятилетие тема региональной интеграции стала особенно востребованной в связи кризисом в мировой экономике, спровоцировавшим недоверие к глобальным регуляторам и, как следствие

этого, процессы регионализации в различных регионах мира. В связи с активизацией интеграционных процессов на постсоветском пространстве, появились компаративные исследования, направленные на изучения различных аспектов деятельности ЕС и ЕАЭС.

Главным направлением этих исследований является изучение и сопоставление организационных механизмов и институтов ЕС и ЕАЭС. Среди авторов работ, посвященных сравнительному анализу европейской и евразийской интеграции, нет единого мнения по вопросу степени идентичности моделей интеграционного развития, хотя большинство исследователей считают, что евразийская интеграция во многом строится на основе европейской. При этом в качестве позитивного момента большинством исследователей отмечается избирательное заимствование институтов и практик ЕС [9, с. 35; 10, с. 71].

Например, Н.Б. Кондратьева выделяет такие общие черты интеграционных объединений, как создание единого внутреннего рынка и заимствование принципов его организации (запрет дискриминации, гармонизация, взаимное признание норм) [11, с. 22]. Также она обращает внимание на сходство систем санитарного и фитосанитарного регулирования [12, с. 82]. Причиной этого сходства, на наш взгляд, являются активные торгово-экономические отношения России с партнерами из стран Евросоюза, что влечет за собой заимствование ряда европейских стандартов и регламентов. Примером таких отношений может служить проект «Партнерство для модернизации», реализованный в 2010—2016 гг., в результате которого произошло согласование технических регламентов и стандартов между Россией и ЕС. Эти согласования впоследствии были распространены на все страны ЕАЭС [13]. В результате от 60 до 80 % технических стандартов ЕАЭС оказались идентичны европейским стандартам [14, с. 10].

Одновременно особую дискуссию вызывают правовые вопросы интеграции, так как именно в организационной структуре, полномочиях интеграционных институтов и способах принятия решений существуют значительные различия. Отечественные исследователи (например О. Пименова), анализируя правовые системы ЕС и ЕАЭС, приходят к выводу, что эти системы сформировались как две абсолютно противоположные модели принятия решений, в каждой из которых есть свои достоинства и недостатки [15]. Также подробное рассмотрение правовых аспектов европейской и евразийской интеграции содержится у Е.Ю. Трещенкова [9]. В связи со значительной разницей правового обеспечения деятельности интеграционных группировок, эксперты советуют с большой осторожностью заимствовать опыт ЕС в области институтов и политического строительства [16].

Еще одним важным направлением анализа выступает финансовая интеграция. Отмечая прозрачность и обоснованность критериев перераспределения финансовых средств в рамках ЕС, ряд российских исследователей полагают, что было бы полезно заимствовать опыт ЕС, особенно в проведении политики регионального финансового выравнивания территорий в качестве «идеологической» платформы [17, с. 111].

По преимуществу, сравнительным анализом европейской и евразийской интеграции занимаются правоведы и специалисты в области международных отношений. Они пытаются оценить механизмы организации и управления ЕС и ЕАЭС на основе изучения нормативной литературы и институционального устройства данных организаций. При этом практически не уделяется внимание социально-экономическим и демографическим условиям интеграции, которые лежат в основе интеграционных процессов. В связи с этим в предложенном исследовании содержится попытка восполнить данный аспект сравнительного анализа.

Подходы и методы исследования

Объектом исследования выбраны интеграционные группировки — ЕС и ЕАЭС. В основе выбора объектов исследования лежит принцип географического детерминизма [18], а именно, их континентальное единство, которое дает возможность для проведения сравнительного анализа. Предметом исследования выступает международная интеграция стран ЕС и ЕАЭС. Целью исследования является выявление сходства и различий европейской и евразийской интеграции для решения вопроса о возможности использования опыта ЕС для дальнейшего интеграционного процесса на Евразийском пространстве.

В качестве инструмента исследования выбран компаративный анализ. Данный выбор обусловлен историческими процессами, в рамках которых, ЕАЭС одновременно возникает как некое подобие ЕС и как противостоящая ей интеграционная группировка. Теоретическая значимость компаративного анализа в настоящем исследовании заключается в возможности расширения представлений о причинно-следственных связях и особенностях развития интеграционных процессов на основе выявления факторов и детерминантов социально-экономического и демографического развития стран-участниц, их сопоставления и обобщения. Практическая значимость компаративного анализа заключается в том, что он позволил выявить наиболее проблемные моменты региональной экономической интеграции, упорядочить многообразие подходов к разработке и формированию региональных интеграционных стратегий и акцентироваться на важности умелого использования наиболее эффективных интеграционных практик.

В соответствии с правилами компаративного анализа в работе использованы принципы: междисциплинарности и интернационализации, а также единства исторического и логического.

Информационной базой исследования послужили социально-экономические и демографические показатели стран ЕС и ЕАЭС и нормативно-организационная база исследуемых группировок.

Новизна исследования заключается в использовании комплексного подхода при проведении сравнительного анализа, учете наряду с институциональными особенностями, социально-экономических и демографических условий интеграции.

Анализ полученных результатов

Проведенное исследование показало, что ЕС и ЕАЭС обладают определенными сходствами и различиями.

Несмотря на то что интеграция в обоих объединениях носит экономический характер, среди предпосылок их создания можно обнаружить политические мотивы. Такими политическими мотивами для ЕС (первоначально Европейское объединение угля и стали) являются мирное урегулирование противоречий в Европе и противостояние Советскому Союзу в ходе холодной войны. Политических мотивов для интеграции стран ЕАЭС (первоначально Евразийское экономическое сообщество) гораздо больше, чем экономических. Доказательством этому может служить низкая взаимная инвестиционная активность его участников и незначительный объем внутренней торговли, который на момент объединения составлял лишь 6%, в то время как ЕС – 65% [19, с. 10]. Страны ЕАЭС предпочитают больше торговать со странами Евросоюза и Китаем, чем между собой. Среди политических мотивов создания ЕАЭС можно выделить три наиболее принципиальных. Во-первых, это сохранение наследия, оставленного Советским Союзом: единое историческое прошлое, дружественные и родственные связи населения стран, кооперация в рамках Совета экономической взаимопомощи, приграничное сотрудничество. Во-вторых, это геополитические интересы России, а именно, попытка сохранения сферы влияния на постсоветском пространстве и ограничение влияния ЕС и США на мировую геополитику [20]. В-третьих, создание условий для «широкой» евразийской интеграции, способствующей поддержанию Россией статуса великой державы [21, с. 806]. Однако преобладание политических мотивов над экономическими мотивами снижает результативность экономической интеграции [22, с. 37].

Демографический фактор является важным для принятия экономических решений. Поэтому рассмотрим демографические особенности развития стран ЕС и ЕАЭС. Численность и плотность население ЕС значительно больше, чем ЕАЭС. Зато прирост населения по данным 1998–2018 гг. в ЕС ниже (0,26%), чем в ЕАЭС (0,31%). По данным 2019 г. из 24 стран ЕС (без учета Мальты, Кипра и Люксембурга) у 12 стран коэффициент общей рождаемости был очень низкими (по шкале Урландиса), то есть ниже, чем 10 чел. на 1000 жителей. Страны ЕАЭС имеют более высокие коэффициенты общей рождаемости, чем страны ЕС. Так, по данным 2017 г. у Казахстана и Киргизии они были выше среднего и составили 23 и 27 чел. на 1000 жителей соответственно¹. Однако средняя продолжительность жизни в странах ЕС на 2017 г. была почти на 8 лет выше, чем в ЕАЭС, что, с одной стороны, свидетельствует о высоком качестве жизни в европейских странах, а с другой – отражает проблему старения населения и роста налоговой нагрузки.

¹ Демоскоп Weekly №845-846. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 16.02.2020).

Индекс развития человеческого потенциала в ЕС выше, чем ЕАЭС, а максимальные показатели индекса по ЕАЭС сопоставим с минимальными показателями по ЕС. Например, в соответствии с данными Всемирного банка в 2017 г. аутсайдерами по данному показателю в ЕС были Румыния и Болгария, а в ЕАЭС – Киргизия. Их показатели индекса развития человеческого потенциала составили 0,811, 0,813 и 0,672 соответственно. В то же время максимальное значение данного показателя в ЕАЭС было у России – 0,816.

Важную роль в распределении трудовых ресурсов в обоих объединениях играет общий рынок труда. В ЕС общий рынок труда уже построен, в рамках организации происходит перераспределение трудовых ресурсов: страны Восточной Европы, Греция и Португалия выступают в роли доноров, страны Западной Европы в роли реципиентов. ЕАЭС находится на завершающем этапе построения общего рынка труда. В настоящее время для стран ЕАЭС актуальным является признание пенсионного обеспечения мигрантов и документов об их квалификации. В результате европейского миграционного кризиса в страны Евросоюза въехало большое количество мигрантов из стран Ближнего Востока, Северной Африки и Азии. Только в 2018 г. Германия предоставила статус «беженца» более миллиону человек. В силу организационного устройства странам ЕС приходится проводить общую миграционную политику по отношению к внешним мигрантам и беженцам. В ЕАЭС странами реципиентами трудовых мигрантов выступают Россия и Казахстан, а странами донорами остальные страны СНГ, включая Киргизию. В целом, можно сделать вывод, что ЕАЭС обладает большим демографическим потенциалом, чем ЕС, в то же время уступает ЕС по его качеству.

Одним из важных преимуществ ЕАЭС является ресурсная обеспеченность. Кроме наличия разнообразных природных ресурсов, ЕАЭС имеет высокий энергетический потенциал. На страны ЕАЭС приходится около 15 % мировой добычи нефти, более 20 % мировой добычи газа, почти 10 % производства электроэнергии [19, с. 11]. Причем интеграция на энергетическом рынке признается участниками ЕАЭС как одно из стратегических направлений. Страны ЕАЭС планируют до 1 января 2024 г. перейти к общему энергетическому рынку². В то же время страны ЕС не в состоянии полностью обеспечить себя энергетическими ресурсами и вынуждены их импортировать. Зависимость стран Европы от импорта энергоресурсов будет увеличиваться, так как после аварии на АЭС Фукусима-1 в ЕС, особенно в Германии, начали проводить политику закрытия АЭС. Так, одним из условий вступления Литвы в Евросоюз было закрытие Игналинской атомной электростанции, расположенной на северо-востоке страны.

Экономический потенциал стран ЕАЭС значительно ниже, чем стран ЕС. В соответствии с данными Всемирного банка средний ВВП на душу населения стран ЕАЭС за 1998 – 2018 гг. составляет 15 % от средне-

² *Договор* о Евразийском экономическом союзе. Ст. 4. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 01.02.2020).

го показателя по ЕС за аналогичный период. Но в связи с более низким уровнем развития экономики, темпы роста ВВП в странах ЕАЭС выше, чем в странах ЕС. Так, за 2008–2018 гг. среднее значение роста ВВП в странах ЕАЭС составило 2,98 %, в то время как в ЕС – всего 0,96 %. В 10 странах ЕС темпы роста ВВП ниже 1 %, в Италии и Греции средние показатели отрицательные и составляют –0,37 и –2,39 % соответственно. Производительность труда и уровень оплаты труда в ЕС выше, чем в ЕАЭС.

Одной из общих проблем стран ЕС и ЕАЭС является дифференциация населения по доходам. Как видно из таблицы 1, уровень дифференциации населения по доходам различается по странам в рамках интеграционных объединений.

Таблица 1

Коэффициент Джини по странам ЕС и ЕАЭС в 2010–2017 гг.³

Показатель	Страны ЕС	Страны ЕАЭС
25–30 %	Бельгия, Дания, Мальта, Нидерланды, Румыния, Словакия, Словения, Финляндия, Чехия, Швеция	Белоруссия, Казахстан, Киргизия
30–35 %	Австрия, Великобритания, Венгрия, Германия, Ирландия, Италия, Кипр, Латвия, Люксембург, Польша, Франция, Хорватия, Эстония	Армения
35–40 %	Болгария, Греция, Испания, Литва, Португалия	Россия

ЕАЭС является значительно более молодым интеграционным объединением, чем ЕС. Несмотря на то что шесть стран – основателей ЕС, в отличие от участников ЕАЭС, имели к моменту объединения примерно схожие экономические условия, интеграция стран ЕС шла значительно медленнее, чем интеграция стран ЕАЭС. Так, для перехода от секторальной интеграции (начало 1951 г.) к этапу построения общего рынка (1986–1992 гг.) странам ЕС потребовалось 35 лет. А созданный в 1968 г. таможенный союз до 1992 г. сохранял внутреннюю таможенную систему с целью ограничения появления на рынке некачественных товаров. Страны же ЕАЭС прошли этот этап за 5 лет с 2010 г. (создание Таможенного союза) по 2015 г., причем уже в 2011 г. были упразднены таможенные посты на внутренних границах. Это может свидетельствовать о некотором форсировании интеграционных процессов в условиях снижения санитарно-гигиенических стандартов и отсутствия защиты внутреннего рынка от низкокачественной продукции. Стимулом к форсированию интеграционных процессов со стороны России послужило Восточное партнерство, созданное по инициативе Европейского союза в

³ United Nations development programme. Human Development Reports. URL: <http://www.hdr.undp.org/en/indicators/67106> (дата обращения: 12.02.2020).

2008 г. для развития интеграционных связей с ЕС, из шести постсоциалистических стран: Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Молдавии и Украины [23; 24].

Как показывает история, оба объединения стремятся к углублению интеграции и переходу на более высокую ступень ее развития. Но в настоящее время ЕАЭС ограничивается только экономическими целями: повышение уровня жизни, формирование единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов, рост конкурентоспособности стран-участниц⁴, не претендуя на политическую интеграцию, как ЕС. Важным для бывших постсоциалистических стран является процесс суверенизации и независимости в поведении внешней политики [25, с. 204]. ЕС ставит более широкие цели, в том числе в области социальной политики, защиты окружающей среды, сохранении культуры и языкового разнообразия⁵.

В ЕС государства делегируют часть своих полномочий на наднациональный уровень. Законодательные полномочия в ЕС делятся между Европарламентом, который представляет граждан ЕС и избирается ими, и Советом, который представляет правительства стран ЕС. Принцип демократии реализуется в системе голосования. Каждый член ЕС имеет определенное количество голосов в зависимости от размера территории и населения, а отсутствие права вето, обеспечивает взаимодействие стран-участниц на основе подчинения меньшинства большинству. В соответствии с принципом федерализма наднациональные правовые акты имеют действие на всех территориях Евросоюза. Это часто вызывает недовольство участников объединения, но в тоже время обеспечивает определенную системность при реализации решений.

В ЕАЭС отсутствует принцип федерализма, то есть верховенства «наднационального» права над «национальным», а институты ЕАЭС лишь обеспечивают платформу для взаимодействия стран. Решения принимаются Высшим экономическим советом, Межправительственным советом и Евразийской экономической комиссией при достижении консенсуса, существует формальное равенство при принятии решений, так как каждое государство – член ЕАЭС имеет равное количество голосов. Но, как отмечают исследователи, ввиду того что нормативные акты, принимаемые в ЕАЭС, не имеют безусловного приоритета по отношению к национальному законодательству его членов, отсутствует системность в реализации принимаемых решений [26]. Именно право вето, которое может наложить суверен на любое решение Евразийской экономической комиссии, вызывает больше всего споров. Как показывает практика, оно порой используется странами-участницами для защиты «недобросовестной конкуренции» в случае проведения антидемпинговых расследований и наложения санкций.

⁴ Договор о Евразийском экономическом союзе. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 01.02.2020).

⁵ Goals and values of the EU / European Union. URL: https://europa.eu/european-union/about-eu/eu-in-brief_en (дата обращения: 06.02.2020).

Сходство обоих объединений проявляется во включении в их состав постсоциалистических стран. В настоящее время в состав ЕС входят одиннадцать постсоциалистических стран: бывшие самостоятельные социалистические страны — Болгария, Венгрия, Польша, Румыния; бывшие республики Чехословакии — Чехия и Словакия; бывшие республики Югославии — Словения и Хорватия; бывшие республики СССР — Латвия, Литва и Эстония. В ЕАЭС все пять стран бывшие республики СССР.

В соответствии с теоретическими положениями, расширение ЕС путем включения в него новых членов на протяжении длительного времени считалось определенным ресурсом развития интеграционного объединения. Корпорации видели в нем возможности расширения рынка сбыта готовой продукции и получения дополнительных относительно дешевых трудовых ресурсов. Однако расширение интеграционных объединений происходит путем включения в их состав стран с более низкими социально-экономическими показателями, чем у стран-основателей. Примером этому может служить присоединение к Европейскому экономическому сообществу (ныне ЕС) Греции в 1981 г., Испании и Португалии в 1986 г., чьи социально-экономические показатели были значительно ниже, чем у первоначальных участников объединения [27, с. 107]. На момент вступления в ЕС Латвии и Словакии (2004 г.), Болгарии и Румынии (2007 г.), Хорватии (2013 г.) их показатели ВВП на душу населения по паритету покупательной способности составляли 32, 38, 30, 36 и 42 % соответственно, от среднего показателя шести стран основателей организации⁶. Последствиями такого расширения является ухудшение экономических показателей ЕС. Так, расширение ЕС в 2004 г. привело к снижению дохода на душу населения (по текущим обменным курсам) ЕС на 13 % [28, с. 32]. К настоящему времени, по мнению экспертов, ЕС утратил данный ресурс и дальнейшее расширение ЕС в современных условиях нецелесообразно [29, с. 20; 30, с. 15].

Расширение ЕАЭС, с нашей точки зрения, в большей мере носит политический характер. При расширении ЕАЭС в 2015 г. показатели ВВП на душу населения по паритету покупательной способности Армении и Казахстана составили 38 и 15 % соответственно, от среднего показателя трех стран — основателей организации⁷. В настоящее время ЕАЭС идет по пути заключения соглашений с другими странами, не включая их в свой состав. Примером может служить соглашение о зоне свободной торговли с Вьетнамом (2015), в результате которого объем встречной торговли увеличился на 40 %, объем экспорта во Вьетнам возрос на 40 %, импорт из Вьетнама увеличился на 34 %⁸. В 2018 г. было

⁶ Рассчитано по: *Всемирный банк*. URL: /<https://databank.worldbank.org> (дата обращения: 03.02.2020).

⁷ Там же.

⁸ *Интервью* министра по торговле ЕЭК Вероники Никишиной: «Главная задача — избавиться от “фобий” о либерализации торговли». URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/10-06-2019-4.aspx> (дата обращения: 11.02.2020).

подписано временное соглашение с Ираном, за осень 2019 г. были образованы зоны свободной торговли с Сингапуром и Сербией, эффекты от подписания этих соглашений еще рано оценивать.

В обоих интеграционных объединениях существуют программы поддержки стран с более низкими социально-экономическими показателями. Однако механизмы распределения средств различны. Так, в странах ЕС — это Программа сплочения⁹. В соответствии с финансовым планом на 2014–2020 гг. из европейских структурных и инвестиционных фондов финансируются страны с ВВП на душу населения ниже 90 % от средних показателей 27 стран ЕС (без Хорватии). Как видно из рисунка 1, по данным 2014–2018 г. пятерку основных доноров вошли Германия, Великобритания, Франция, Италия и Нидерланды. Основными реципиентами выступили Румыния, Польша, Венгрия, Греция и Чехия. При этом на эти страны приходится более 36 % расходов общих фондов, в том числе 16,6 % на Польшу. В пересчете на душу населения самую большую помощь получают Эстония, Литва, Словения, Латвия и Венгрия. Самая большая выплата средств на душу населения в 30 раз больше, чем самая низкая¹⁰.

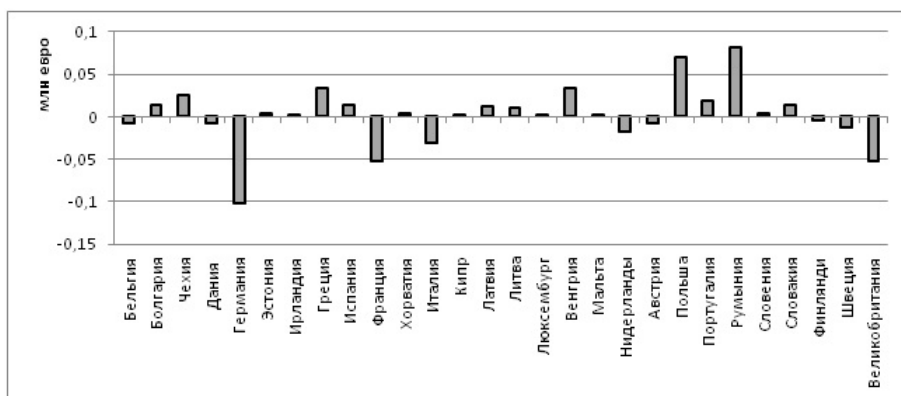

Рис. 1. Перераспределение средств бюджета между странами ЕС в период с 2014 по 2018 г., млн евро¹¹

В ЕАЭС подобные программы поддержки стран финансируются Евразийским фондом стабилизации и развития (ЕФСР — далее)¹². Дан-

⁹ Программа сплочения (Cohesion Policy) — программа социально-экономического выравнивания стран, принята в 1986 г. по инициативе президента Европейской комиссии Ж. Делора. На данный момент реализовано 4 семилетних финансовых плана, и с 2014 г. реализовывается пятый план.

¹⁰ Рассчитано по: *EU expenditure and revenue 2014–2020* // European commission. URL: https://ec.europa.eu/budget/graphs/revenue_expenditure.html (дата обращения: 09.02.2020).

¹¹ Составлено по: *EU expenditure and revenue 2014–2020* // European commission. URL: https://ec.europa.eu/budget/graphs/revenue_expenditure.html (дата обращения: 11.02.2020).

¹² Учрежден в 2009 г. как Антикризисный фонд ЕврАзЭС.

ный фонд создан для предоставления финансовых и инвестиционных кредитов, а также грантов правительствам стран для их устойчивого развития и возможности ускорения интеграции. Государства – участники фонда – страны ЕАЭС и Таджикистан. Основным донором ЕФСР выступает Россия, реципиентами Белоруссия, Армения, Киргизия и Таджикистан. Финансовые кредиты выделяются на реализацию программ, связанных с обеспечением финансовой стабильности, бюджетной устойчивости, улучшением делового климата и развитием интеграции со странами ЕАЭС. Инвестиционные кредиты выделяются на финансирование важных национальных проектов. Гранты предоставляются для финансирования проектов социальной сферы. Как видно из таблицы 1, на данный момент из 14 проектов было завершено всего 4 общей стоимостью 2950 млн долл. США, общее финансирование составило более 4783 млн долл. США, из которых 91 % пришелся на займы Белоруссии. Общее финансирование проектов Белоруссии составило 460 долл. США на душу населения, Армении – 103, Таджикистана – 10, Киргизии – 4 соответственно. Самая высокая выплата средств на душу населения в 115 раз больше, чем самая низкая. В таблице 2 отражены проекты Евразийского фонда стабилизации и развития.

91

Таблица 2

Проекты Евразийского фонда стабилизации и развития¹³

Годы реализации, статус	Объем финансирования, тыс. долл. США	Освоенная сумма, тыс. долл. США	Название проекта, финансовый инструмент
<i>Армения</i>			
2015–2018, завершен	300 000	300 000	Программу реформ, нацеленных на повышение эффективности налогово-бюджетной политики и создание более благоприятной среды для развития частного сектора, финансовый кредит
2015–2018, текущий	100 000	6275	Модернизация оросительных систем, инвестиционный кредит
2018–2021, текущий	1000	–	Усовершенствование профилактики и контроля неинфекционных заболеваний в первичном звене здравоохранения, грант
Текущий	150 000	–	Строительство автодорожного коридора «Север-Юг» в Армении (4 очередь), инвестиционный кредит
Стадия подготовки	30 500	–	Строительство резервуара Мастара, инвестиционный кредит

¹³ Составлено по: Финансовая отчетность Евразийского фонда стабилизации и развития за год, 1010–2018 гг. // Евразийский фонд стабилизации и развития. URL: https://efsd.eabr.org/about/documents/financial_statements/ (дата обращения: 02.02.2020).

Окончание табл. 2

Годы реализации, статус	Объем финансирования, тыс. долл. США	Освоенная сумма, тыс. долл. США	Название проекта, финансовый инструмент
<i>Белоруссия</i>			
2011 – 2013, завершен	3 000 000	2 560 000	Финансовый кредит стабилизацию платежного баланса, финансовый кредит
2016 – 2018, текущий	2 000 000	1 800 000	Стабилизационный кредит Республике Беларусь
<i>Киргизия</i>			
2014 – 2018, текущий	20 000	14 499	Финансирование поставок сельскохозяйственной техники, инвестиционный кредит
2014 – 2018, текущий	60 000	7 072	Реконструкция участка дороги Бишкек-Ош, фаза IV, инвестиционный кредит
Текущий	100 000	5 807	Реабилитация Токтогульской ГЭС. Фаза 2, инвестиционный кредит
Текущий	138 000	–	Ввод в эксплуатацию второго гидроагрегата Камбаратинской ГЭС-2, инвестиционный кредит
<i>Таджикистан</i>			
18.06.2010 – 20.08.2010, завершен	70 000	70 000	Поддержка бюджетного финансирования секторов здравоохранения, образования и социальной защиты, финансовый кредит
2016 – 2017, завершен	40 000	20 000	Финансовый кредит на поддержку экономических реформ в стране в 2016 – 2017 гг., финансовый кредит
Стадия подготовки	350 000	–	Реабилитация Нурекской ГЭС. Фаза 1, инвестиционный проект (софинансирование, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций), инвестиционный кредит

92

Можно заметить, что деятельность Евразийского фонда стабилизации и развития, в рамках которого происходит перераспределение финансовых средств преимущественно от России к другим его членам, является важным стимулом Евразийской интеграции, а также инструментом для привлечения средств в важнейшие социально-экономические проекты, в том числе в развитие инфраструктуры в Евразии.

Основные выводы

В результате исследования можно сделать следующие выводы.

Во-первых, интеграция ЕС происходит на основе разработанных концептуальных положений существующих теорий интеграции. В то

же время интеграция ЕАЭС по условиям, механизмам и инструментам сильно отличается от интеграции ЕС, что требует дальнейшей разработки теоретических аспектов интеграции на основе вновь возникшего опыта и прецедентов.

Во-вторых, ЕАЭС изначально имел гораздо худшие экономические условия интеграции, чем ЕС. Кроме того, рассматриваемые интеграционные объединения и их участники сильно различаются по демографическим и экономическим условиям. Доминирование России по численности населения и стремление стран-участниц к независимости во внешней политике заставили ЕАЭС разрабатывать отличительные от Евросоюза принципы принятия решений.

В-третьих, преобладание политических мотивов перед экономическими мотивами в ЕАЭС ведет к сдерживанию интеграционных процессов и ограничению положительных экономических эффектов интеграции, по крайней мере, в ближайшей перспективе.

В-четвертых, ЕАЭС в настоящее время демонстрирует интересный путь развития интеграции через подписание двухсторонних соглашений с другими странами. В силу наличия общих экономических интересов в ЕС и ЕАЭС, особенно в сфере энергетики, а также проведения в ЕАЭС политики гармонизации, рост сотрудничества между рассматриваемыми интеграционными союзами представляется обоснованным и перспективным.

В целом, можно отметить, что пути интеграции стран ЕС и ЕАЭС отличаются и зачастую достаточно сильно, но опыт ЕС по экономической интеграции, в ЕАЭС частично заимствуется. Кроме того, анализ показал, что в обоих объединениях есть как положительные, так и отрицательные характеристики, что указывает с большой вероятностью на то, что единой теории интеграции быть не может, и интеграционные процессы будут сильно отличаться в зависимости от территориальных, политических, социальных, демографических особенностей объединяющихся стран.

Статья выполнена в соответствии с госзаданием Института экономики УрО РАН.

Список литературы

1. Balassa V. The Theory of Economic Integration. L., 1961.
2. Ильин Е.Ю. Концепция большой Европы от Лиссабона до Владивостока: проблемы и перспективы // Вестник МГИМО-Университета. 2015. №2 (41). С. 84–92.
3. Проблемы и перспективы строительства Большой Европы / гл. ред. И.С. Иванов ; Российский совет по международным делам (РСМД). М., 2014.
4. Stiglitz J.E. Rewriting the Rules of the European Economy. Foundation for European Progressive Studies. 2019. URL: https://www.feps-europe.eu/attachments/publications/book_stiglitz-rewriting_rules.pdf (дата обращения: 15.02.2020).
5. Вимон П. Миграция в Европе: преодоление кризиса солидарности. М., 2017.
6. Лазарева Е.В., Берстенева А.А. Великобритания в ЕС: вступление, отступление, брексит // Вестник Томского государственного университета. 2018. №435. С. 127–134. doi: 10.17223/15617793/435/16.

7. Burns C., Gravey V., Jordan A., Zito A. De-Europeanising or disengaging? EU environmental policy and Brexit // *Environmental Politics*. 2019. Vol. 28 (2). P. 271–292. doi: 10.1080/09644016.2019.1549774.

8. Leruth B., Ganzle S., Trondal J. Differentiated Integration and Disintegration in the EU after Brexit: Risks versus Opportunities // *JCMS-Journal of common market studies*. 2019. Vol. 57, №6. P. 1383–1394. doi: 10.1111/jcms.12957.

9. Трещенков Е. Ю. Евразийская модели интеграции: пределы соизмеримости // *Мировая экономика и международные отношения*. 2014. №5. С. 31–40.

10. Кондратьева Н. Б. ЕАЭС: государственно-правовая трансформация постсоветского пространства // *Россия и мир: развитие цивилизаций. Трансформация политических ландшафтов за период 1999–2019 годы*: матер. IX междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. М., 2019. Ч. 1. С. 68–72.

11. Кондратьева Н. Б. Евразийский экономический союз: достижения и перспективы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60, №6. С. 15–23. doi: 10.20542/0131-2227-2016-60-6-15-23.

12. Кондратьева Н. Б. Предпосылки диалога ЕС и ЕАЭС // *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2018. №3. С. 81–85.

13. Emerson M., Kofner J. Technical Product Standards and Regulations in the EU and EAEU – Comparisons and Scope for Convergence // *IIASA Report*. Laxenburg, 2018. URL: <http://pure.iiasa.ac.at/id/eprint/15272/1/2Technical%20Product%20Standards%20and%20Regulations%20in%20the%20EU.pdf> (дата обращения: 10.02.2020).

14. Кофнер Ю. Ю. Общий рынок ЕС – ЕАЭС: перспективы сближения систем технического регулирования // *Современные евразийские исследования*. 2018. №1. С. 7–14.

15. Pimenova O. Legal Integration in the European Union and the Eurasian Economic Union: Comparative Analysis // *International Organizations Research Journal*. 2019. Vol. 14 (1). P. 76–93.

16. Entin M., Voynikov V. Institutional and Legal Development of EAEU and EU in Comparative Perspective // *Russian Law Journal*. 2019. Vol. 7 (3). P. 155–168.

17. Лавровский Б. Л., Горошкина Е. А., Позднякова И. В. и др. Современная политика сплочения в ЕС: замыслы и итоги // *Мир экономики и управления*. 2018. Т. 16, №1. С. 96–113. doi: 10.25205/2542-0429-2018-18-1-96-113.

18. Исаченко А. Г. Географический детерминизм – конструктивная научно-мировоззренческая концепция // *Известия Русского географического общества*. 2006. Т. 138, №3. С. 1–14.

19. Господарик Е. Г., Ковалев М. М. ЕАЭС-2050. Глобальные тренды и евразийская экономическая политика. Минск, 2015.

20. Лебедева А. К. Интеграционные процессы на территории бывшего Союза советских социалистических республик (СССР) с участием и без участия России: место Евразийского экономического союза (ЕАЭС) на постсоветском пространстве // *Экономика. Бизнес. Банки*. 2017. №3. С. 86–95.

21. Freire M. R. The quest for status: how the interplay of power, ideas, and regime security shapes Russia's policy in the post-Soviet space // *International Politics*. 2019. Vol. 56 (6). P. 795–809. doi: 10.1057/s41311-018-0164-y.

22. Marinov E. Economic Determinants of Regional Integration in Developing Countries // *International Journal of Business and Management*. 2015. Vol. 3, №3. P. 22–39. doi: 10.20472/VM.2015.3.3.003.

23. Латкина В. А. Восточный вектор европейской политики соседства: ловушки европеизации // *Вестник МГИМО-Университета*. 2014. №6 (39). С. 37–46.

24. Noutcheva G. Whose legitimacy? The EU and Russia in contest for the eastern neighbourhood // *Democratization*. 2018. Vol. 25, №2. P. 312–330. doi: 10.1080/13510347.2017.1363186.

25. *Асимметрия региональных интеграционных проектов XXI века : монография* / под ред. В.И. Михайленко. Екатеринбург, 2018.

26. *Пименова О.И.* Правовая интеграция в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе: сравнительный анализ // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14, №1. С. 76–93. doi: 10.17323/1996-7845-2019-01-05.

27. *Буторина О.В.* Европейская интеграция. М., 2011.

28. *Lammers K.* How Will the Enlargement Affect the Old Members of the European Union? // *Intereconomics*. 2004. Vol. 39. P. 132–141. doi: 10.1007/BF02933580.

29. *Danilov D.* EU – Russia relations in the post-soviet space // *The EU Global Strategy: Implications for Russia*. М., 2017. P. 15–25.

30. *Тяубов Р.Т.* Проблемы расширения ЕС в современных условиях // *Российское предпринимательство*. 2011. №2-2. С. 10–15.

Об авторах

Александр Александрович Ишуков — ассист., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; экономист, Институт экономики Уральского отделения РАН, Россия.

E-mail: a.a.ishukov@urfu.ru

Елена Борисовна Бедрина — канд. экон. наук, доц., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; ст. науч. сотр., Институт экономики Уральского отделения РАН, Россия.

E-mail: bedrina1967@mail.ru

The authors

Alexander A. Ishukov, Assistant, B.N. Yeltsin's Ural Federal University; economist, Institute of Economics Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: a.a.ishukov@urfu.ru

Dr Elena B. Bedrina, Associate Professor, B.N. Yeltsin's Ural Federal University; Senior Researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: bedrina1967@mail.ru